

1792 г., нужно же было унижать власть короля и стараться сделать из нее власть «бессильную», чтобы 10 августа можно было ее свергнуть.

Но Бриссо хотел, чтобы, дойдя до этой точки, революция в тот же день остановилась. Как только королевская власть свергнута и Конвент получил верховенство, «всякие восстания должны прекратиться», говорит он.

Что в особенности возмущало жирондистов, это стремление революции к равенству, стремление, которое, как очень верно отметил Фагэ¹, господствовало в этот момент в революции. Так, Бриссо не может простить Клубу якобинцев, что он принял название не Друзей республики, а «Друзей свободы и равенства, в особенности равенства!» Не может он простить «анархистам» и того, что по их внушению были поданы петиции «рабочих парижского лагеря, принявших название *нации* и пожелавших определить причитающееся им жалование на основании жалования депутатов»²!

«Дезорганизаторы, - говорит он в другом месте, - это те, кто хочет все уравнивать: собственность, достаток, установить цены на пищевые продукты, определить *ценность различных услуг, оказанных обществу*, и т. д.; кто хочет, чтобы рабочий в лагере получал столько же, сколько законодатель; кто хочет уравнивать даже таланты, знания, добродетели, потому что у них самих ничего этого нет» (Памфлет от 24 октября 1792 г.)³.

XLI «АНАРХИСТЫ»

Но кто же такие, наконец, эти анархисты, о которых так много говорит Бриссо и истребления которых он требует с таким ожесточением?

Прежде всего анархисты - не *партия*. В Конвенте существует Гора, Жиронда, Равнина, или, вернее, Болото, или Брюхо, как говорили тогда, но нет «анархистов». Дантон, Марат, даже Робеспьер или кто-нибудь другой из якобинцев могут иногда идти рука об руку с анархистами, но эти последние находятся вне Конвента. Можно даже сказать, что они стоят выше его: они господствуют над ним.

Это - революционеры, рассеянные по всей Франции. Они отдались революции телом и душой; они понимают необходимость ее; они любят ее, живут и работают для нее.

Многие из них сплотились вокруг Парижской коммуны, потому что она остается проникнутой революционным духом; другие принадлежат к Клубу кордельеров; некоторые бывают в Клубе якобинцев. Но настоящее их место - это *секция*, в особенности улица. В Конвенте их можно видеть на трибунах, откуда они руководят дебатами. Их способ действия - это давление *народного мнения*, но не «общественного мнения» буржуазии. Их настоящее оружие - восстание. Посредством этого оружия они влияют на депутатов и на исполнительную власть.

И когда нужно напрячь все силы, воспламенить народ и идти *вместе с ним* против Тюильри и против германского вторжения, именно они готовят нападение и затем сражаются в рядах народа.

В тот день, когда революционный порыв народа истощится, они вернутся в неизвестность. И только желчные памфлеты их противников да кое-где уцелевшие протоколы секций дают нам теперь возможность оценить, какую громадную революционную работу они совершили.

Что касается их взглядов, то они ясны и определены.

Республика? Конечно! Равенство перед законом? Да, конечно! Но это еще не все, далеко не все. Добиваться путем политической свободы свободы экономической, как советуют буржуа? Они знают, что это невозможно.

Они хотят поэтому *самой экономической свободы*. Земля для всех - это называлось тогда «аграрным законом». *Экономическое равенство* - это называлось на языке того времени «уравнением состояний».

Но послушаем, что говорит Бриссо.

¹ *Faguet E.* Introduction sur les idées maîtresses de la Révolution française. - In: L'œuvre sociale de la Révolution française. Paris, 1901.

² *Brissot J. P.* Op. cit., p. 24.

³ *Ibid.*